

Коллективные действия: предикторы и модели¹

Е.Р. АГАДУЛЛИНА

кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В статье представлен анализ западных исследований коллективных действий, рассматриваются социальная идентичность, представления об эффективности группы, а также относительная депривация и связанные с ней групповые эмоции как основные предикторы коллективных действий. Описываются модели коллективных действий и определяются будущие направления исследований.

Ключевые слова: коллективные действия, социальная идентичность, относительная депривация, эффективность группы, групповые эмоции.

Под коллективными действиями чаще всего подразумевается любое действие, совершенное группой людей и направленное на определенные социальные изменения (см., напр.: [1]). Данные действия могут варьироваться от относительно нормативных и мирных (подписание петиции, участие в мирных демонстрациях, оказание различной помощи другим группам и т. п.) до более радикальных и ненормативных (блокирование улиц, нападение на других людей, террористические акты и т. п.) [23]. Что же предсказывает совершение как нормативных, так и ненормативных коллективных действий? В 2008 году М. ван Зомерен с колл. провели мета-анализ 69 исследований (в общей сложности 182 независимые выборки) и выявили три ключевых предиктора коллективных действий: социальная идентичность, воспринимаемая несправедливость и связанные с ней эмоции, вос-

принимаемая эффективность группы [29].

Социальная идентичность

Многочисленные исследования, выполненные в рамках теории социальной идентичности и теории самокатегоризации, неоднократно продемонстрировали связь социальной идентичности с поведением индивида (например, предпочтение «своей» и дискриминацию «чужой» группы, использование стереотипов и т. д.). Социальная идентичность влияет на коллективные действия, если она является устойчивой, т. е. человек в большинстве ситуаций воспринимает себя именно как члена определенной группы и, как следствие, действует от ее имени [25]. Не менее важно и с какой именно группой идентифицируется индивид. Существует три подхода, описы-

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 13-05-0004 при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г.

вающие различия между идентификацией с определенным типом социальных групп и коллективными действиями.

1. *Идентификация с широкой социальной категорией* (например, «женщины», «гомосексуалисты», «иммигранты», «бывшие заключенные» и т. д.) приводит к коллективным действиям, если статус группы начинает рассматриваться как несправедливо низкий, а условия существования группы как дискриминирующие. Основное ограничение данного подхода заключается в том, что в большинстве случаев люди воспринимают себя в более узких категориях (не иммигранты в целом, а представители определенной этнической группы, проживающие в конкретной стране, и т. д.), что существенно сужает перечень ситуаций, в которых индивиды могут совершать коллективные действия от имени широкой социальной категории. Существует множество примеров, когда различные социальные группы, пострадавшие от несправедливости и жестокого обращения со стороны «общего врага» (например, различные этнические группы, пережившие дискриминацию на рабочем месте), не объединяют свои усилия для совершения коллективных действий, так как не воспринимают сложившуюся с ними ситуацию как «общую судьбу» для различных этнических групп [22].

2. *Идентификация с общественным или общественно-политическим движением* (например, феминистки, движение против увеличения налогов и т. д.). Б. Кландерманс с колл. назвали несколько причин, по которым идентификация с общественным или общественно-политическим движением является лучшим предиктором коллективных действий, чем идентификация с широкой социаль-

ной категорией. Во-первых, идентификация с общественно-политическим движением обязательно политизирована [15; 2]. Она формируется в результате борьбы за власть и осознания общей групповой обиды на внешнего «врага», ответственного за затруднительное положение других групп. Политизацию социальной идентичности можно продемонстрировать на примере поведения представителей националистических партий в России. Данные люди считают, что российская культура деградирует (осознание общей обиды), они обвиняют «некультурных иммигрантов» в проблемах, существующих в обществе (например, высоком уровне преступности, деградации русского языка и т. д.) (поиск внешнего «врага»). Постепенно они включают в свою борьбу более широкую социальную общность (например, собирая подписи от всех граждан в пользу «закрытия» границ и выселения иммигрантов из больших городов). В результате их борьба перерастает в коллективные протестные действия, ориентированные на общество в целом и направленные против группы иммигрантов.

Во-вторых, идентификация с общественно-политическим движением дает человеку более полные представления, какие действия он может совершать от имени группы, что увеличивает их вероятность.

3. *Идентификация с групповыми нормами*. Современные исследования предполагают, что групповые нормы, направленные на оказание помощи или сопротивления, формируются в результате обсуждения членами группы волнующих их социально-значимых вопросов (безработицы, голода, помощи пострадавшим от стихийных бедствий, дискриминации

и т. д.). Члены группы должны достичь консенсуса в вопросах о том, как их группа может относиться к подобным явлениям (вопрос о групповых эмоциях) и есть ли у нее ресурсы для совершения коллективных действий (вопрос о групповой эффективности). Если подобный консенсус достигнут, определенные эмоции и представления о групповой эффективности становятся групповыми нормами (тем, что считают «моральным» и что одобрено большинством), способствующими совершению коллективных действий. В частности, исследования показывают, что групповое обсуждение болезней, вызванных загрязненной водой, и способов борьбы с этой проблемой увеличивает интрагрупповую идентификацию участников и их включенность в деятельность таких движений [24]. Лучшее влияние групповых норм на коллективные действия объясняют модели намеренного поведения, в частности, модель активации норм, в рамках которой утверждается, что готовность человека или группы совершить какое-либо действие зависит от а) представления, насколько необходимо это делать (личные / групповые нормы); б) оценки последствий, которые повлечет за собой то или иное действие (осознание последствий); в) приписывания себе ответственности за негативные последствия (атрибуция ответственности); г) уверенности человека или группы, что определенные действия позволят решить проблему (контроль за поведением) [5; 18]. Ключевым в данном случае является именно принятие в качестве индивидуальной или групповой нормы определенного типа поведения, например, оказания помощи нуждающимся группам или сопротивления социальной несправедливости.

Воспринимаемая несправедливость

Мета-анализ 210 исследований (в общей сложности 293 независимых выборки и 186 073 респондента) показал, что восприятие относительной депривации от экономических, социальных и политических благ связано с различными коллективными действиями [17]. По мнению ряда авторов [7 и др.], для восприятия относительной депривации необходимо пять предварительных условий:

осознание, что другой человек или другая группа владеет X (желаемый ресурс);

желание получить X;

убеждение, что группа заслуживает X;

представление, что группа может получить X;

представление, что группа не виновата в отсутствии доступа к X.

Важно отметить, что простого восприятия ситуации как несправедливой не достаточно для предсказания коллективных действий, необходимо, чтобы члены группы испытывали какие-то сильные эмоции, осознавая, что они несправедливо лишены желаемого. Как показывают многочисленные исследования, именно аффективное восприятие несправедливости приводит к коллективным действиям. В качестве основных эмоций, детерминирующих коллективные действия, авторы выделяют вину, гнев, моральное негодование и презрение. Рассмотрим подробнее связь между различными эмоциями и коллективными действиями.

На индивидуальном уровне чувство вины возникает в том случае, когда индивид принимает личную ответственность за действие или бездействие, приводящее к страданиям других. На уровне

группы чувство вины связано с восприятием ответственности за плохое обращение с другой группой. Достаточно часто чувство вины мотивирует действия, направленные на попытки устранения неравенства или возмещения ущерба, нанесенного другой группе. Например, белые американцы, переживающие чувство вины по отношению к афроамериканской части населения Америки, в большей степени выступают за различные программы поддержки афроамериканцев, а также готовы протестовать против действий, совершенных на почве ненависти к афроамериканцам [13]. В целом чувство вины эффективно предсказывает только действия, направленные на улучшение положения аутгруппы, и практически не связано с действиями, направленными на изменение социального положения ингруппы.

Чувство гнева вызывает желание противостоять, противодействовать или спорить с оппонентом (индивидуальным или групповым), который несет ответственность за предосудительные действия [9]. Исследования показывают, что представители различных групп (немцы, евреи, американцы) испытывали гнев, когда понимали, что их правительства жестоко обращаются с «обездоленными группами» [11; 23]. С. Лич с колл. предположили, что групповой гнев — более мощный предиктор коллективных действий, чем групповая вина [11], так как существует устойчивая связь между восприятием относительной депривации той или иной группы и переживанием чувства гнева.

Моральное негодование чаще всего направлено на систему или группу, которая поддерживает социальное неравенство. Оно значительно больше, чем гнев,

связано с нравственной стороной вопроса о неравенстве и несправедливости [17] и мотивирует коллективные действия против групп, ущемляющих права других. Авторы считают, что моральное негодование эффективно в предсказании коллективных действий, так как способствует усилению идентификации с жертвами социального неравенства, что, в свою очередь, упрощает действия от имени аутгруппы [28; 30]. И, наконец, презрение рассматривается в качестве предиктора ненормативных форм коллективных действий [23], так как данное чувство влечет за собой психологическое дистанцирование и отсутствие намерения примириться с противостоящей социальной группой, что устраняет социальные ограничения в выборе форм действий.

Восприятие ситуации как несправедливой и связанная с этим эмоциональная реакция не всегда приводят к коллективным действиям. История знает немало примеров, когда ущемленные, обиженные и даже разгневанные своим положением слои населения на протяжении длительного времени не предпринимали никаких попыток изменить его. Это связано с тем, что люди преимущественно готовы участвовать в коллективных действиях, если считают, что объединение усилий приведет их к достижению желаемой цели, что ставит вопрос о воспринимаемой эффективности группы, к рассмотрению которого мы и переходим.

Эффективность группы

Начиная с 70-х годов XX века в психологии появляются теории, трактуя-

щие поведение индивидов исходя из представлений о рациональности выбора. В частности, авторы утверждали, что люди будут участвовать в коллективных действиях, если ожидаемые выгоды от них будут перевешивать неизбежные издержки. Оценка эффективности конкретных действий рассматривалась как критерий сравнения выгод и издержек. В современной психологической литературе произошла смена акцентов и представления об эффективности группы стали рассматриваться не как рациональное прогнозирование, а скорее как убеждение, что с помощью коллективных действий группа может достигнуть своей цели, в частности, преобразовать ситуацию и свою судьбу [6]. Кросскультурное исследование 48 стран [4], исследования движений, поддерживающих окружающую среду [12], протестующих против войны в Иране [3], а также германских студентов и британских мусульман [23] подтвердили существование связи между представлениями об эффективности группы и совершением различных коллективных действий. При этом в ряде случаев такой связи выявлено не было [19; 20; 21]. Эти авторы предполагают, что иногда коллективные действия совершаются не для достижения прямой цели (например, добиться равных по сравнению с другими людьми прав в вопросах усыновления детей для представителей сексуальных меньшинств), а для привлечения внимания более широких социальных групп к данному вопросу или утверждения своего социального статуса, или получения возможности для дополнительного финансирования, и т. д. [8]. Как же взаимодействуют между собой описанные выше факторы коллективных действий?

Модели коллективных действий

Существует две модели, раскрывающие связь социальной идентичности, групповых эмоций, представлений об эффективности группы и коллективных действий. В обеих моделях подчеркивается центральная роль социальной идентичности в проявлении коллективных действий, а различия касаются представлений о связи социальной идентичности, групповых эмоций и представлений об эффективности группы [26].

Модель коллективных действий с точки зрения теории социальной идентичности (social identity model of collective action – SIMCA) предполагает, что социальная идентичность предсказывает коллективные действия как непосредственно, так и опосредованно через воспринимаемую несправедливость и оценку вероятности успеха коллективных действий группы [29]. Авторы считают, что идентификация с определенной группой «подсказывает» индивиду, какие ситуации являются справедливыми и легитимными, а какие нет, а также указывает, какой эффективностью обладает группа в решении тех или иных вопросов. Так, члены низкостатусных социальных групп могут рассматривать существующие экономические условия как несправедливые и ощущать свою беспомощность в изменении сложившейся ситуации именно в силу отсутствия доступа к необходимым ресурсам.

В замкнутой модели социальной идентичности и коллективных действий (encapsulation model of social identity in collective action – EMSICA) предполагается, что представления о групповой эффективности и переживание определенных эмоций, связанных с восприятием

социального неравенства, предшествуют усилению и определению социальной идентичности [25; 26]. В повседневной жизни вероятны ситуации (например, стихийные бедствия), вызывающие сильную эмоциональную реакцию у многих людей. В случае если индивиды будут считать себя достаточно эффективными в оказании помощи пострадавшим людям, их идентичность может меняться, что, как следствие, повлечет за собой определенные коллективные действия (например, вступление в группу волонтеров). Таким образом, и групповые эмоции, и представление об эффективности группы могут способствовать пониманию, кем именно являются члены группы, т. е. являются частью идентичности индивидов.

Какая же из двух моделей лучше предсказывает коллективные действия? Как показывают исследования, прогностическая способность обеих моделей примерно одинакова, т. е. социальная идентичность может как предсказывать групповые эмоции и эффективность группы и, как следствие, коллективные действия (как в модели SIMCA), так и являться результатом переживания групповых эмоций и представлений об эффективности группы (как в модели EMSICA) [26]. Можно говорить, что в ситуации, когда решение о коллективных действиях принимает уже существующая социальная группа, именно социальная идентичность определяет восприятие социальной реальности и групповой эффективности; если же речь идет об индивиде, чья идентичность не определена, именно переживаемые эмоции и воспринимаемая эффективность группы могут привести к осознанию идентичности и совершению коллективных действий.

В целом можно говорить, что идентичность, воспринимаемая несправедливость и эффективность группы являются взаимозависимыми предикторами коллективных действий. Представление о предикторах коллективных действий усложняется еще и тем, что совершаемые коллективные действия также могут влиять на все три компонента модели. В частности, были получены данные, свидетельствующие, что именно коллективные действия определяют уровень идентичности с группой [27]. Коллективные действия в соответствии с желаемой социальной идентичностью (например, участие в митинге или пожертвование денег для движения) могут рассматриваться как один из способов подтверждения социальной идентичности [10; 16]. Кроме того, совершение некоторых коллективных действий может изменять восприятие эффективности группы, а также групповые эмоции. В ситуации когда коллективные действия (например, подписание петиций в пользу принятия закона, улучшающего положение социально незащищенных групп) не приводят к желаемому результату, групповые эмоции могут меняться в сторону увеличения гнева или презрения по отношению к аутгруппе, не поддерживающей устранение социального неравенства. Это, в свою очередь, может приводить к тому, что в следующий раз группа будет выбирать более агрессивные и ненормативные коллективные действия. Схожая ситуация складывается и с оценкой групповой эффективности. Если первичные действия группы не имели успеха, представления о групповой эффективности начинают снижаться, что приводит к дальнейшему предпочтению ненормативных форм коллективных

действий [23]. В данном случае выбор ненормативных действий связан со стратегией, которую Д. Шиперс и его коллеги назвали стратегией «нечего терять» [14], полагая, что группы выбирают ненормативные действия, так как считают, что другими способами их положение невозможно изменить. Общее представление о взаимодействии всех предикторов коллективных действий изображено на рисунке.

Представленная на рисунке схема отражает тот факт, что исследования коллективных действий должны учитывать влияние, которое коллективные действия оказывают на представления и эмоции индивидов. Учет подобной обратной связи может играть важную роль в прогнозировании развития и изменения коллективных действий, что особенно актуально при исследовании реальных общественных и политических акций.

Заключение

Описанные результаты позволяют сформировать общее представление,

что детерминирует коллективные действия и какие отношения существуют между различными предикторами. Тем не менее, открытым остается целый ряд вопросов, ответы на которые потребуют дополнительных исследований. Представленные результаты не позволяют объяснить, почему некоторые члены группы участвуют в коллективных действиях, а некоторые нет; какие индивидуальные факторы способствуют мотивации участия в коллективных действиях; существуют ли различия между коллективными действиями, совершаемыми от имени ингруппы и от имени аутгруппы, а также между действиями, которые совершают люди, добровольно выбравшие группы членства (например, волонтеры или участники политических движений), и члены групп с закрытыми границами (например, этнические и гендерные группы). Ответы на поставленные вопросы помогут лучше понимать происходящие социальные события, а также выстраивать модели, позволяющие более глубоко анализировать коллективные действия.

Рис. Взаимосвязь между различными предикторами коллективных действий (пунктирными линиями обозначено обратное влияние коллективных действий на предикторы)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Becker J.C.* The system-stabilizing role of identity management strategies: social creativity can undermine collective action for social change // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 10. № 4.
2. *Becker J.C., Tausch N., Spears R., Christ O.* Committed dis(s)idents: participation in radical collective action fosters disidentification with the broader in-group but enhances political identification // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2011. Vol. 37. № 8.
3. *Blackwood L.M., Louis W.R.* If it matters for the group then it matters to me: collective action outcomes for seasoned activists // *British Journ. of Social Psychology*. 2012. № 51.
4. *Corcoran K.E., Pettinicchio D., Young J.T. N.* The context of control: a cross-national investigation of the link between political institutions, efficacy, and collective action // *British Journ. of Social Psychology*. 2011. Vol. 50.
5. *De Groot J.I.M., Steg L.* Morality and prosocial behavior: the role of awareness, responsibility, and norms in the norm activation model // *The Journ. of Social Psychology*. 2009. Vol. 149.
6. *Drury J., Reicher S.D.* Explaining enduring empowerment: a comparative study of collective action and psychological outcomes // *European Journ. of Social Psychology*. 2005. Vol. 35.
7. *Duncan L.E.* The psychology of collective action / *The Oxford handbook of personality and social psychology* / Eds K. Deaux, M. Snyder. N.Y., 2012.
8. *Hornsey M., Blackwood L., Louis W., Fielding K., Mavor K.I., Morton T., et al.* Why do people engage in collective action? Revising the role of perceived effectiveness // *Journ. of Applied Social Psychology*. 2006. Vol. 36.
9. *Iyer A., Schmader T., Lickel B.* Why individuals protest the perceived transgressions of their country: the role of anger, shame and guilt // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33.
10. *Klein O., Spears R., Reicher S.* Social identity performance: extending the strategic side of SIDE // *Personality and Social Psychology Review*. 2007. Vol. 11.
11. *Leach C.W., Iyer A., Pedersen A.* Anger and guilt about in-group advantage explain the willingness for political action // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. Vol. 32.
12. *Lubell M.* Environmental activism as collective action // *Environment and Behavior*. 2002. Vol. 34.
13. *Mallett R.K., Huntsinger J.R., Sinclair S., Swim J.K.* Seeing through their eyes: when majority group members take collective action on behalf of an outgroup // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2008. Vol. 11. № 4.
14. *Scheepers D., Spears R., Doosje B., Manstead A.S.R.* The social functions of in-group bias: creating, confirming, or changing social reality // *European Review of Social Psychology*. 2006. Vol. 18.
15. *Simon B., Klandermans B.* Politicized collective identity: a social psychological analysis // *American Psychologist*. 2001. Vol. 56.
16. *Simon B., Trotschel R., Dahne D.* Identity affirmation and social movement support // *European Journ. of Social Psychology*. 2008. Vol. 38.

17. *Smith H.J., Pettigrew T.F., Pippin G.M., Bialosiewicz S.* Relative deprivation: a theoretical and meta-analytic review // *Personality and Social Psychology Review*. 2012. Vol.16. № 3.
18. *Steg L., de Groot J.* Explaining prosocial intentions: testing causal relationships in the norm activation model // *British Journal of Social Psychology*. 2010. Vol. 49.
19. *Sturmer S., Simon B.* The role of collective identification in social movement participations: a panel study in the context of the German gay movement // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. Vol. 30.
20. *Sturmer S., Simon B., Loewy M., Jorger H.* The dualpathway model of social movement participation: the case of the fat acceptance movement // *Social Psychology Quarterly*. 2003. Vol. 66.
21. *Sturmer S., Snyder M., Omoto A.M.* Prosocial emotions and helping: the moderating role of group membership // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88.
22. *Subasic E., Schmitt M.T., Reynolds K.J.* Are we all in this together? Co-victimization, inclusive social identity and collective action in solidarity with the disadvantaged // *British Journ. of Social Psychology*. 2011. Vol. 50.
23. *Tausch N., Becker J.C., Spears R., Christ O., Saab R., Singh P.* Explaining radical group behavior: developing emotion and efficacy routes to normative and nonnormative collective action // *Journ. of Personality and Social*. 2011. Vol. 101. № 1.
24. *Thomas E.F., McGarty C.A.* The role of efficacy and moral outrage norms in creating the potential for international development activism through group-based interaction // *British Journ. of Social Psychology*. 2009. Vol. 48.
25. *Thomas E.F., McGarty C., Mavor K.I.* Aligning identities, emotions, and beliefs to create commitment to sustainable social and political action // *Personality and Social Psychology Review*. 2009. Vol. 13.
26. *Thomas E.F., Mavor K.I., McGarty C.* Social identities facilitate and encapsulate action-relevant constructs: A test of the social identity model of collective action // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2011. Vol. 15. № 1.
27. *Van Zomeren M., Leach C.W., Spears R.* Does group efficacy increase group identification? Resolving their paradoxical relationship // *Journ. of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46.
28. *Van Zomeren M., Postmes T., Spears R.* On conviction's collective consequences: Integrating moral conviction with the social identity model of collective action // *British Journ. of Social Psychology*. 2012. Vol. 51.
29. *Van Zomeren M., Postmes T., Spears R.* Toward an integrative social identity model of collective action: a quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // *Psychological Bulletin*. 2008. Vol. 134. № 4.
30. *Van Zomeren M., Postmes T., Spears R., Bettache K.* Can moral convictions motivate the advantaged to challenge social inequality? Extending the social identity model of collective action // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2011. Vol. 14.

Collective Action: Predictors and Models

E.R. AGADULLINA

PhD in Psychology, associate professor at the Department of Organizational Psychology, Higher School of Economics

The article analyzes Western studies of collective action and focuses on social identity, group efficiency, relative deprivation and related group emotions as the main predictors of collective action. The paper also describes the models of collective action and defines the possible directions for future investigation.

Keywords: *collective action, social identity, relative deprivation, group efficiency, group emotions.*